

ФОРД МЭДОКС ФОРД

Конец парада

КАЖДОМУ СВОЕ

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Ф79

Ford Madox Ford
PARADE'S END

Перевод с английского *Ольги Лемпицкой*

Литературная редакция *Сергея Рюмина*

Школа перевода
В. Баканова

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Форд, Мэдокс Форд.

Ф79 **Конец парада. Каждому свое / Форд Мэдокс Форд ; [перевод с английского О. Лемпицкой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.**

ISBN 978-5-04-215891-9

«Конец парада. Каждому свое» — первый роман в знаменитой тетралогии «Конец парада» Форда Мэдокса Форда — о напряженном браке, страсти, чести на пороге Первой мировой войны. Несмотря на свой интеллектуальный, блестящий вид, успешную карьеру и солидное наследство, Кристофер Тидженс — глубоко несчастный человек. Терзаемый открытой изменой жены, имеющий собственный бурный роман, Тидженс пытается забыть прошлое, добровольно отправляясь сражаться за свою страну.

Первый из четырех томов, «Каждому свое», запускает в движение сложную сеть привязанностей, страстей и обид, разворачивающихся в эпоху глубоких перемен. Главный конфликт тетралогии заключается в столкновении старой, более «лиричной» Викторианской эпохи с новым рациональным, индустриальным, жестким миром.

В 2012 году по роману был снят сериал, главную роль в котором исполнил Бенедикт Камбербэтч.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Лемпицкая О., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-215891-9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Двое молодых людей из класса государственных служащих сидели в безупречно оборудованном пассажирском вагоне. Поскрипывали кожаные ремни безопасности, сияли девственной чистотой зеркала под новенькими багажными полками; пухлые сиденья украшал сложный узор в виде миниатюрных драконов, специально разработанный геометром из Кельна. В купе приятно пахло лаком и чистотой; механизм работал надежно (как британская биржа ценных бумаг, подумал Тидженс). Поезд шел быстро, однако, качнись он или подпрыгни на стыке рельсов (кроме поворота на Тонбридж или стрелок в Ашворде, где подобное недоразумение вполне ожидаемо и позволительно), Макмастер обязательно написал бы жалобу в железнодорожную компанию. Возможно, сразу в «Таймс».

Дело в том, что их класс правил не только недавно созданным Имперским департаментом статистики под руководством сэра Реджинальда Инглби, но и миром в целом. Поэтому, встретив нерадивого полицейского, невежливого носильщика, тускловатый уличный фонарь или узнав об огрехах социальных служб либо беспорядках за рубежом, государственный служащий незамедлительно принимал меры — возмущаясь (в непринужденной манере выпускника престижного колледжа) или строжа в «Таймс» гневные «покуда» и «доколе». Еще они писали в авторитетные, поныне здравствующие журналы, охватывая вниманием нравы, искусство, дипло-

матию, внешнюю торговлю Империи, а также личную жизнь покойных политических деятелей и литераторов.

Макмастер уж тот точно принял бы меры, насчет себя Тидженс не был так уверен. Вышеупомянутый Макмастер сидел перед ним — небольшого роста, типичный виг¹ с аккуратной острой бородкой, какие иногда носят некрупные мужчины, чтобы подчеркнуть и без того яркую индивидуальность, жесткие черные волосы, нещадно зачесанные металлическим гребнем, острый нос, крепкие ровные зубы, идеально отглаженный воротничок, галстук, подобранный под цвет глаз (Тидженс знал, что это не случайность) — стальной с черными крапинками — и перехваченный золотым кольцом.

Какого цвета его собственный галстук, Тидженс не помнил. Он только на минуту, поймав кеб, заехал из конторы в их комнаты, надел свободный костюм и мягкую рубашку, быстро, но методично упаковал массу вещей в огромную дорожную сумку, намереваясь закинуть ее в багажный отсек. Тидженс терпеть не мог, чтобы кто-то трогал его вещи, никогда не позволял горничной жены его собирать, морщился, когда его сумку брали носильщики. Будучи убежденным тори, он не любил переодеваться, поэтому сидел в купе в больших коричневых ботинках для гольфа с высокими рантами и шипами, подавшись вперед на краешке кожаного сиденья, положив огромные белые ладони на широко расставленные колени и пребывая в глубокой задумчивости.

Макмастер, напротив, откинулся на спинку, сосредоточенно и даже хмуро изучая не скрепленные между собой листы с печатным текстом. Тидженс знал, что это важный момент для Макмастера. Он проверял гранки своей первой книги.

---

¹ В и г и (*англ.* Whigs) — старинное название британских либералов и созданной ими в 1780-е годы политической партии. В XVIII—XIX веках виги считались партией торгово-промышленной буржуазии в противоположность тори — партии земельной аристократии.

Литература для Макмастера была вопросом сложным и многогранным. К примеру, когда его спрашивали, писатель ли он, Макмастер, смущенно пожимая плечами, отвечал интересующейся даме (мужчины не задавали подобных вопросов очевидно состоятельному человеку):

— Нет, что вы! — И добавлял, скромно улыбаясь: — Писатель — это громко сказано... Так, балуюсь на досуге. Наверное, критик. Да, пожалуй, меня можно назвать критиком.

Тем не менее Макмастер часто вращался в гостиных с длинными шторами, голубым фарфором и обоями в крупный цветок, где собиралась творческая богема. Там подобные знаки внимания он считал заслуженными и принимал спокойно.

Однако же, если похвала исходила от сэра Реджинальда, благодарил:

— Вы очень добры, сэр Реджинальд.

Тидженс считал, что друг в обоих случаях ведет себя сообразно обстоятельствам.

Макмастер был слегка выше Тидженса по службе и, возможно, слегка старше. Точный возраст, а также детали происхождения товарища Тидженс не выяснял. Макмастер, с его шотландским выговором и умением поддержать беседу, был вполне желанным гостем на популярных домашних приемах. Он авторитетно рассуждал о Ботичелли, Россетти и ранних итальянских мастерах, которых именовал самоучками, и хотел, чтобы его уважительно выслушивали. Тидженс не раз встречал Макмастера на этих приемах и ничего не имел против.

Поскольку эти собрания, хоть и не являлись высшим обществом, были необходимой ступенью на долгом и сложном карьерном пути высокопоставленного чиновника, сам Тидженс, будучи совершенно равнодушен к должностям и положению в обществе, поощрял, хоть и не без иронии, устремления друга. Дружба их была странной, но именно странные дружеские связи зачастую бывают прочнее других.

Сам Тидженс, младший сын йоркширского землевладельца, всегда имел все лучшее, к чему стремится любой высокопоставленный чиновник. Он не был честолюбив, однако все эти вещи в типично английской манере приходили к нему сами собой. Тидженс мог позволить себе не задумываться о том, как он одевается, где бывает и что говорит. Мать выделила ему небольшой личный доход, к которому прибавилось жалование в Имперском департаменте статистики и женитьба на состоятельной женщине. Как истинный тори, он в совершенстве владел искусством тонкой насмешки, что добавляло ему уважения в обществе. Ему было двадцать шесть, но, будучи очень крупным, по-йоркширски простоватым и слегка небрежным, он выглядел старше своих лет. Начальник Тидженса, сэр Реджинальд Ингльби, всегда внимательно выслушивал его мнение об общественных тенденциях и их отражении в статистике.

— Вы ходячая энциклопедия, Тидженс! — восклицал он порой.

Тидженс предполагал, что Макмастер — сын священника. Впрочем, он мог с таким же успехом оказаться сыном купарского¹ лавочника или эдинбургского носильщика — шотландцев не разберешь. Поскольку Макмастер о своем происхождении упорно молчал, люди, приняв его в свой круг, переставали задаваться этим вопросом.

Тидженс всегда принимал Макмастера: в школе Клифтона, в университете Кембриджа, в конторе на Чансери-Лейн и в их комнатах в квартале Грейс-Инн². Он питал к другу глубокую привязанность и даже благодарность. Макмастер, по всей видимости, разде-

---

¹ Купар (*англ.* Cupar) — город в области Файф, Шотландия. Когда-то был оживленным рыночным центром.

² Грейс-Инн (*англ.* Gray's Inn) — почетное общество, одно из четырех юридических заведений (судебных иннов) Лондона, архитектурно представляет собой квартал с внутренними дворами, жилыми корпусами, учебными залами, библиотекой и юридическими канцеляриями.

лял его чувства. Во всяком случае, старался быть полезным. Работая в казначействе личным секретарем сэра Реджинальда Инглби, Макмастер расхвалил начальнику многочисленные таланты Тидженса, на тот момент оканчивающего университет. Сэр Реджинальд как раз искал сотрудников для своего детища — нового департамента, поэтому с готовностью взял Тидженса на роль третьего заместителя. Зато местом в казначействе у сэра Томаса Блока Макмастер был обязан отцу Тидженса. Если на то пошло, семья Тидженсов, а точнее мать, выделила небольшую сумму, чтобы помочь Макмастеру окончить Кембридж и обосноваться в столице. Он выплатил часть долга, а также предоставил Тидженсу комнату в своих апартаментах, когда тот в свою очередь приехал в Лондон.

Молодой шотландец вполне мог принять помощь, не оскорбившись. Поэтому Тидженс, заглянув как-то утром к своей добросердечной и благочестивой мамушке, сказал:

— Помните Макмастера, мама? Ему нужно немного денег до конца учебы.

— Хорошо, дорогой. Сколько? — ответила та.

Будь на месте Макмастера англичанин, подобная услуга подчеркнула бы классовое неравенство, но с шотландцем такой проблемы не возникало.

В тяжелый период (четыре месяца назад жена Тидженса сбежала за границу с любовником) Макмастер стал для него неоценимой опорой. Кристофер Тидженс привык жить, почти не выражая эмоций, по крайней мере словами. Он считал, что о чувствах не следует говорить, а возможно, и задумываться не стоит.

Верный убеждениям, он почти не осознавал собственных эмоций после побега жены, а обсуждение данного события ограничилось двумя десятками слов. Большинство из них было обращено к отцу — высокому и статному джентльмену с седыми волосами и прекрасной осанкой, который будто невзначай заглянул в го-

стиную Макмастера в Грейс-Инн и после пятиминутного молчания спросил:

— Подашь на развод?

— Нет! Только мерзавцы так поступают с женщиной! — ответил Кристофер.

Мистер Тидженс другого не ожидал. Помолчав еще немного, он добавил:

— Позволишь подать на развод ей?

— Если пожелает. Надо подумать о ребенке.

— Оформишь единовременное пособие на сына?

— Если она не устроит сцену.

— Что ж... — закончил разговор мистер Тидженс.

— Твоя мать чувствует себя прекрасно, — сообщил он через некоторое время. — Самоходный плуг никуда не годится!.. Я буду ужинать в клубе.

— Можно привести Макмастера, сэр? Вы обещали его представить.

— Приводи! Там будет старый генерал Фоллиот. Он его поддержит. Надо бы их свести. — И ушел.

Тидженс считал отношения с отцом почти идеальными, они словно состояли в эксклюзивном клубе для двоих, понимая друг друга без слов. Отец провел много времени за границей, прежде чем унаследовать поместье. Всегда запрягал четверку лошадей, когда ехал через вересковые пустоши по делам в ближайший промышленный городок, почти полностью принадлежавший ему. В главном доме усадьбы Гроуби табачного дыма никогда не было: каждое утро главный садовник оставлял для мистера Тидженса двенадцать набитых трубок в розовых кустах на выезде. Он выкуривал их в течение дня. Мистер Тидженс сам управлял хозяйством на значительной части своих земель; представлял округ Холдернесс в парламенте с 1876 по 1881 год, но не стал выдвигать свою кандидатуру после перераспределения мест; покровительствовал одиннадцати приходам; изредка охотился верхом с собаками, довольно регулярно стрелял дичь. Кроме Кристофера, у него

было еще три сына и две дочери, и ему недавно исполнился шестьдесят один год.

На следующий день после побега жены Кристофер позвонил своей сестре Эффи.

— Возьмешь Томми на какое-то время? Я отправлю с ним Маршан. Она заодно присмотрит за твоими младшими, так что ты сэкономишь на прислуге, а я оплачу их проживание и дам немного сверху.

Голос сестры из Йоркшира ответил:

— Конечно, Кристофер.

Эффи, жена викария в приходе недалеко от Гроуби, уже родила нескольких детей.

Макмастеру Тидженс сказал:

— Сильвия сбежала от меня с этим типом — Пероуном.

На что Макмастер ответил:

— Хм...

Тидженс продолжил:

— Я сдаю дом и отправляю мебель на склад. Томми поедет к моей сестре Эффи, Маршан — с ним.

— Тогда тебе нужны твои комнаты, — заметил Макмастер.

Он занимал целый этаж в одном из зданий Грейс-Инн. После женитьбы Кристофера продолжал жить там один, не считая слуги, который переехал с чердака в спальню Тидженса.

— Если можно, я заеду завтра вечером. Ференс как раз успеет переселиться обратно на чердак, — сказал Тидженс.

Этим утром за завтраком Тидженс получил письмо от жены после ее четырехмесячного отсутствия. Она без малейших признаков раскаяния сообщала, что хотела бы вернуться. Пероун и Бретань ей надоели.

Тидженс поднял глаза на Макмастера. Тот тем временем уже привстал со стула, глядя на приятеля расширившимися синими глазами со стальным отливом, и бородака его мелко подрагивала. Когда Тидженс за-

говорил, рука Макмастера была уже на горлышке хрустального графина бренди на деревянном подносе.

— Сильвия хочет вернуться, — сказал Тидженс.

— Бренди? — предложил Макмастер.

Тидженс отказался было по привычке, но передумал:

— Да, пожалуй! Рюмочку.

Он заметил, что графин дребезжит о краешек стакана — очевидно, у Макмастера дрожали руки. Макмастер, не оборачиваясь, спросил:

— Примешь ее обратно?

— Вероятно.

От бренди у Тидженса приятно потеплело в груди.

— Выпей еще, — предложил Макмастер.

— Да, спасибо, — согласился Тидженс.

Макмастер вернулся к завтраку и чтению писем. Тидженс тоже. Ференс, убрав тарелки из-под бекона, водрузил на стол серебряное блюдо на водяной бане с яйцами-пашот и морским окуном. После довольно продолжительного молчания Тидженс произнес:

— Да, в принципе, я намерен ее принять. Однако мне нужно дня три, чтобы все хорошо обдумать.

Тидженс, казалось, не испытывал никаких чувств по поводу происшедшего. В голове крутились вызывающие фразы из письма. Впрочем, так даже лучше — хотя бы честно. Бренди не поменяло направление его мыслей, но уняло дрожь.

Макмастер сказал:

— Поедем в Рай на поезде в одиннадцать сорок. Начнем партию после чая, ведь дни сейчас длинные. Я хочу заглянуть к одному священнику неподалеку. Он помогал мне с книгой.

— Твой поэт водил знакомство со священниками? Ну да, разумеется... Дюшмен, не так ли?

Макмастер продолжил:

— Заедем к нему в половине третьего. Для сельской местности вполне прилично. Посидим до четырех, кеб отпустить не будем. К пяти будем у первой метки. Если

игра пойдет хорошо, останемся на следующий день, во вторник — в Хайт, в среду — в Сануидж. Или останемся на три дня в Рае.

— Я бы не хотел сидеть на одном месте, — сказал Тидженс. — Нам еще надо свести статистику по Британской Колумбии. Сейчас возьму кеб и поеду в контору — одного часа и двенадцати минут мне хватит. Тогда Северная Африка будет готова для печати. Еще только половина девятого.

— Ой, ну что ты, тебе сейчас не до того, — забеспокоился Макмастер. — Я договорюсь с сэром Реджинальдом о нашей отлучке.

— Ни в коем случае, — возразил Тидженс. — Инглби будет доволен, если ты сообщишь ему, что все готово. Я как раз закончу к десяти, и когда он придет, ты вручишь ему отчет.

— Ты необыкновенный человек, Крисси! — воскликнул Макмастер. — Гений, да и только!

— Кстати, — откликнулся Тидженс, — я вчера после твоего ухода взглянул на бумаги и запомнил основные показатели. Подумал о них перед сном. Кажется, ты переоценил отток населения в Клондайк в этом году. Перевалы открыты, однако почти никто не уходит. Я сделаю пометку на этот счет.

В экипаже он добавил:

— Прости, что вмешиваю тебя. Надеюсь, моя ситуация никак не отразится на тебе и твоём положении в департаменте.

— Не отразится! — успокоил Макмастер. — В конторе уверены, что Сильвия уезжала за границу ухаживать за миссис Саттеруайт. Что до меня, я... — Он сжал мелкие крепкие зубы. — Я б на порог не пустил нахалку. Клянусь богом! Мало она тебе крови попортила?

По дороге Тидженс размышлял, глядя в окно. Теперь понятно... Несколько дней назад в клубе один из приятелей Сильвии вдруг выразил надежду, что миссис Саттеруайт, ее мать, чувствует себя лучше.

— Ясно. Миссис Саттеруайт уехала за границу, чтобы прикрыть Сильвию. Она разумная женщина, хоть и змея! — сделал вывод Тидженс.

Экипаж мчался по полупустым улицам — для правительственных кварталов утро было ранним. Копыта гулко цокали по мостовой. Тидженс, как истинный джентльмен, предпочитал конный транспорт. Что думают о нем окружающие, он не знал. Интересоваться их мнением ему было мучительно, непреодолимо лень.

Последние несколько месяцев он составлял сводную таблицу ошибок в последнем недавно вышедшем издании Британской энциклопедии. Даже написал об этом статью для научного ежемесячного журнала. Статья получилась чересчур язвительной, и читатели ее не оценили. Автор окатил презрением всех пользователей справочной литературы, впрочем, настолько тонко, что никто не принял критику на свой счет, кроме, пожалуй, Макмастера. А сэр Реджинальд и вовсе порадовался, что под его началом работает молодой человек с незаурядной памятью и энциклопедическими знаниями. Тидженс был погружен в приятное занятие, как в долгую дрему. Теперь пришлось спуститься на землю.

— А как в конторе смотрят на то, что я в двадцать девять лет порушил установленный порядок? Я больше не буду снимать дом.

— Считается, — пояснил Макмастер, — что жизнь на Лоундс-стрит плохо сказалась на здоровье миссис Саттеруайт. Непорядки с канализацией. А сэр Реджинальд, скажу я тебе, полностью и решительно одобряет твой выбор. Он считает, что молодым сотрудникам не стоит селиться в дорогих домах в престижных районах.

— К черту сэра Реджинальда! — откликнулся Тидженс, а после добавил: — Впрочем, он, наверное, прав... Спасибо. Это все, что я хотел знать. Не хочется все же прослыть рогоносцем, ведь это позор. Впрочем, заслуженный. Надо лучше следить за женой.

— Нет-нет, Крисси! — бурно запротестовал Макмастер.

Тидженс продолжал:

— Высокое государственное ведомство похоже на школу. Там могут не потерпеть человека, от которого сбежала жена. Помнится, в Клифтоне все возмущались, когда руководство решило принять первого еврея и первого негра.

— Не продолжай... — взмолился Макмастер.

— Был один помещик, — продолжил Тидженс, — его земля граничила с нашей. По имени Кондер. Жена ему постоянно изменяла. Месяца на три в год сбежала с новым любовником. Кондер и пальцем не шевелил. Нам тогда казалось, что это плохо отражается на Гроуби и окрестностях. Его — не говоря уже о ней! — было неловко звать в гости. Страшное дело... Все знали, что младшие дети не от Кондера. Какой-то бедняга, женившись на младшей дочери, тоже оказался в опале. Их дом обходили стороной! Несправедливо и неразумно, без сомнения. За это в обществе и не любят рогоносцев. Они заставляют приличных людей быть несправедливыми и неразумными.

— Но ведь ты же не позволишь Сильвии?.. — забеспокоился Макмастер.

— Не знаю право... — замялся Тидженс. — Как я ей помешаю? Если разобраться, старина Кондер вел себя мудро. Подобные несчастья — кара господня. Порядочный человек должен принять... Если женщина не хочет развода, надо терпеть, и, конечно, начнутся сплетни. Сейчас все обошлось. Благодаря тебе и, полагаю, миссис Саттеруайт. Но ведь вы не всегда будете рядом. Или же я встречу другую женщину...

— Хм, — задумался Макмастер. — И что тогда?

Тидженс сказал:

— Не знаю. Потом нельзя забывать о маленьком оболтусе. По словам Маршан, он уже приобрел йоркширский акцент.

— Если бы не ребенок... — вздохнул Макмастер. — Ты был бы более свободен в выборе.

— М-да... — ответил Тидженс.

Расплачиваясь с возницей у серых каменных ворот с высокой остроконечной аркой, он сказал:

— Ты стал класть кобыле меньше лакрицы в мешанку. Я же говорил — сразу лучше пойдет.

Возница, потный и красный, в блестящем цилиндре и шерстяном пальто с гарденийей в петлице, откликнулся:

— Все-то вы замечаете, сэр.

Начищенные чемоданы и портфели для бумаг Макмастера аккуратной стопкой лежали на полке, а Тидженс собственноручно забросил свою огромную сумку в багажный отсек. Макмастер поглядывал на друга. Для Макмастера это был великий день. Он держал перед глазами первые оттиски своей книги — будущий маленький изящный томик... Маленькие страницы, черный шрифт. Волнующий запах типографской краски, еще влажные на ощупь листы. В белых, коротковатых, всегда холодных пальцах он сжимал маленькую золотую ручку, приобретенную специально для финальных правок. Ручка еще ни разу не коснулась листа.

Макмастер давно предвкушал наслаждение — почти единственное чувственное удовольствие, доступное ему уже много месяцев. Делать вид, что ты аристократ, располагая скудными средствами, — дело нелегкое. А упиваться собственными фразами, радоваться тонкой иронии, ощущать прелесть гармонично-сдержанного слога — ни с чем не сравнимое (и к тому же дешевое) удовольствие. Он наслаждался даже своими, как он скромно выражался, «статейками» о философии или личной жизни Карлайла¹ или Милля² и развитии торговли между колониями. А тут целая книга!

---

¹ Томас Карлайл (1795–1881) — британский писатель, публицист, историк и философ шотландского происхождения.

² Джон Стюарт Милль (1806–1873) — английский философ, экономист и политический мыслитель, один из ведущих представителей либеральной философии XIX века.

Книга, по его расчетам, должна была укрепить его позиции. В департаменте работали в основном «урожденные» аристократы, не слишком дружелюбные. Последнее время появилась довольно густая поросль юнцов, получивших место благодаря заслугам или пронируемости. Эти завидовали повышениям, внимательно отслеживали родственные протекции и прибавки к жалованию, шумно клеймили фаворитизм — между собой, разумеется.

Юнцов он демонстративно игнорировал. Близкая дружба с Тидженсом делала его почти «урожденным», а его любезность — он старался быть любезным и услужливым — почти всегда обеспечивала защиту сэра Реджинальда от нападков сослуживцев. «Статейки» уже позволили ему заметно приосаниться, книга тем более повысит статус. Он станет не просто «Макмастером», а критиком, авторитетом. Высшие ведомства вовсе не прочь иметь в своих рядах выдающихся людей, и против их повышения никто не возражает. Сэр Реджинальд Инглби, который не является любителем литературы и ничего, кроме отчетов, не читает, не преминет отметить, с каким почтением принимают его сотрудника миссис Лимингтон, миссис Кресси и даже достопочтенная миссис де Лему, и тогда... с легким сердцем поспособствует молодому упорному и литературно одаренному сотруднику — Макмастер уже видел протянутую руку помощи. Сын очень бедного служащего судходной конторы в захолустном шотландском портовом городке, Макмастер очень рано определился с карьерой. Выбор между героями произведений мистера Смайлса¹, крайне известного во времена детства Макмастера, и более интеллектуальными занятиями, доступными бедному шотландцу, оказался предельно

---

¹ Сэмюэл Смайлс (1812–1904) — шотландский писатель, реформатор и пропагандист самосовершенствования. Герои произведений Смайлса — простые люди, которые своим трудом и упорством пробиваются наверх в практических, материальных сферах.